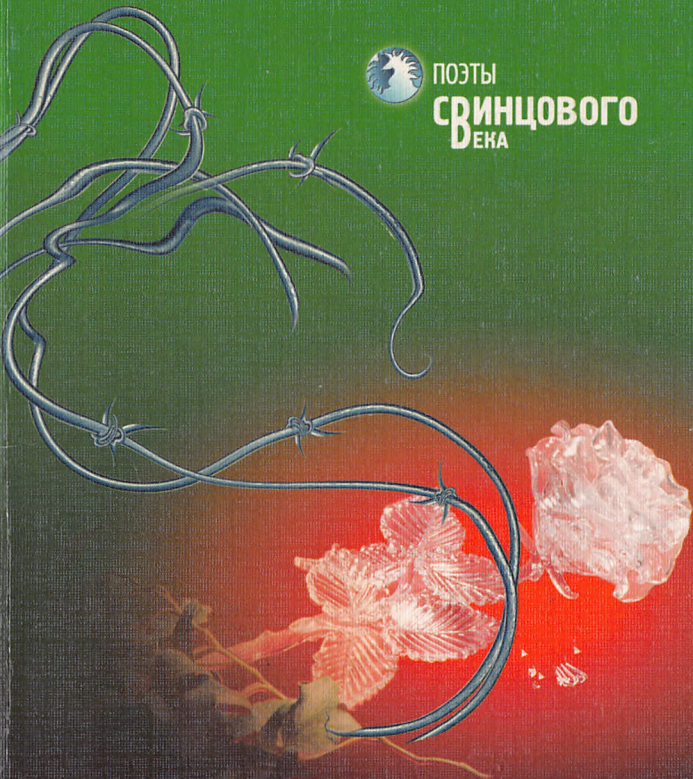

ПОЭТЫ
СВИНЦОВОГО
ВЕКА

Мария
ШКАПСКАЯ

ПОЭТЫ
Сринцового
ДЕКА

СЕРИЯ

Выпуск четвертый
«Мария ШКАПСКАЯ»

ИПК «ПЛАТИНА»
КРАСНОЯРСК, 1999

«ПОЭТЫ СВИНЦОВОГО ВЕКА»

Серия

ИЗДАТЕЛИ:

Редакция журнала «День и ночь»

ОАО «Красноярский завод цветных металлов»

Издательско-полиграфический комплекс «Платина»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. Астафьев, В. Н. Гулидов, Е. П. Кельманов,

С. Д. Кузнечихин, М. О. Саввиных, Р. Х. Солнцев.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Р. Х. Солнцев

© «День и ночь», 1999

© ИПК «Платина», макет, оформление, 1999

В отличие от золотого века и серебряного века русской поэзии наш трагический XX-ый, наверное, можно назвать как можно проще — веком свинцовым.

И если двух-трех гениев нашего столетия, расстрелянных и умерщвленных по лагерям, народ знает, как и тех великих, кто сам себя убил из безвыходности, то десятки блистательных, талантливейших мало кому известны. Их задавила нищета и водка, их сломал страх, они ушли в тень, и минуты не побывав на свету...

В силу своих возможностей мы хотели бы вернуть их — пусть не всех, не многих — современному читателю. Особенно важно прочесть эти маленькие книжечки молодежи...

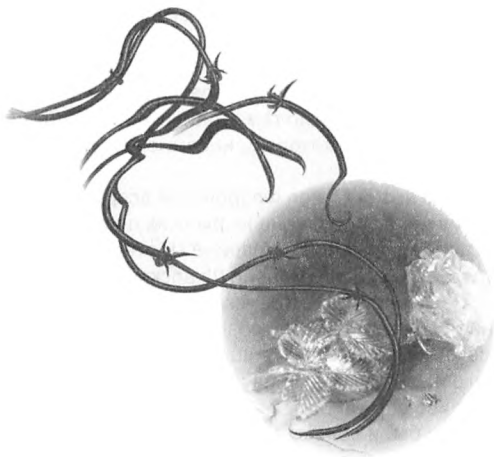
Серию «Поэты свинцового века» мы начали со стихов Анны Барковой, которой современники в пору ее молодости обещали славу лучшей поэтессы за всю историю России (но ей выпала судьба пойти по тюрьмам и лагерям...). Во вторую книжечку мы собрали почти все стихи дивного поэта Георгия Маслова, бывшего белогвардейского офицера, трагически погибшего в 1920 году в Красноярске... Третьим издан наш современник, талантливый, светлый поэт Вильям Озолин, год назад ушедший от нас.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию стихи замечательной, тонкой поэтессы, которую тоже не обошла чужная длань века, — Марии Шкапской.

МАРИЯ
ШКАПСКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗАМОЛЧАННАЯ

Как многие поэты начала XX века, Мария Михайловна Шкапская (1891 – 1952) прожила далеко не самую обычную и уж, конечно, далеко не самую счастливую жизнь. Советские критики, как правило, определяли ее стихи как «проникнутые декадентскими настроениями». Может быть, что-то действительно шло от некоторого налета мистики в настроениях М. Шкапской, но хотел бы я увидеть человека, которого хотя бы раз в жизни не обожгло тем странным дыханием непостижимых миров, которые, несомненно, существуют вне человека.

Зато вот о. Павел Флоренский всерьез колебался, кому из трех крупнейших русских поэтесс XX века отдать предпочтение — Марине Цветаевой, Анне Ахматовой или все-таки Марии Шкапской.

Первые книги М. Шкапской обратили на себя внимание М. Горького. «Вы, повторяю, на новом и очень широком пути. До вас женщина еще не говорила так громко и верно о своей значительности.» М. Шкапскую заботливо опекал Блок.

Они были совсем крошечными, эти поэтические книги — «Час вечерний», «Mater Dolorosa», «Кровь-руда», «Барабан Строгого Господина», и давно стали библиографической редкостью. Я, например, экземпляр лондонской книги избранного Марии Шкапской тайком привез году где-то в восемьдесят третьем из Индии. Это доставило мне немало переживаний на таможне, но всё, в конце концов, обошлось, и я получил возможность радовать своих друзей стихами, которые в те годы прочесть у нас было негде.

Мы рожаем их в муках сами,
Но берешь Ты их в райский сад.
Разошью цветными шелками
Богородице чистый плат.
Ведь в твои поля без возврата
Раньше дня никто не сойдет.
Если встретишь мое дитя Ты —
оботри ему смертный пот.
И скажи ему, сжав ручонку,
Что тебе позволила мать
Отошедшему в ночь ребенку
За себя этот долг отдать.

Не так уж много даже в великой русской поэзии
строк столь простых и столь страшных.

Издав первую книгу в 1921 году и как бы в одно
мгновение отравившись жестоким воздухом граждан-
ских потрясений и переворотов, Мария Шкапская ос-
тавила поэзию.

И осталась надолго, очень надолго замолчанной
и забытой. В реальном мире для ее стихов не оказа-
лось места.

Она, конечно, продолжала писать. Но не стихи.
Очерки. Даже написала давно забытую историю заво-
да им. Карла Маркса, в серии, основанной М. Горьким.
Но с 1926 года Мария Шкапская уже не напечатала ни
одной своей стихотворной строки. Поистине, свинцо-
вый век. Утешение, как всегда, одно: след истинного
поэта остался.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

БИБЛИЯ

Ее на набережной Сены
В ларце старуха продает,
И запах воска и вербены
Хранит старинный переплет.

Еще упорней и нетленной
Листы заглавные хранят
И даты нежные рождений
И даты трудные утрат.

Ее читали долго, часто,
И чья-то легкая рука
Две-три строки Экклезиаста
Ногтем отметила слегка.

Склоняюсь к книге. Вечер низок.
Чуть пахнет старое клише.
И странно делается близок
Моей раздвоенной душе

И тот, кто счел свой каждый терний,
Поверив, что Господь воздаст,
И тот, кто в тихий час вечерний
Читал Экклезиаст.

МАГДАЛИНА

Был свиток дней моих недлинен,
Греховны были письма.на.
Я путь свершала Магдалинин
И обратилась — как она.

И, как она, ждала смиренно.
Но не пришел ко мне Христос
И не коснулся умиленно
Моих распущенных волос.

И с той поры я дни за днями,
Творя свой повседневный труд,
Несу наполненный с краями
Безмерной горечи сосуд.

* * *

Как будто кто-то огромный поло-
жил мне на сердце лапу. Написали сегод-
ня из дому, что умер мой старый папа.

Ах, если б письмо затерялось, если
б про это не зналось!

Но письмо не пропало в дороге, про
все рассказало жестоко: как скрипели

старые дроги, как нападало снегу глубоко, как бездушно горели свечи, как лежал он важный, нарядный, и как жалко костлявились плечи через старый сюртук парадный.

Но поверить нельзя, невозможно, чтоб, увидев меня, не заплакал, чтобы с жесткого белого ложа мне навстречу не встал бы папа.

И когда бы дитя его билось о гроб и об пол головою, чтобы он над ним не склонился, не сказал бы «Христос с тобою!», чтоб его любовно не поднял.

Ах, зачем я проснулась сегодня.

* * *

Помнишь, в сказках мачехи давали отобрать горох от чечевицы?

Это очень трудно, но едва ли может с нашей сказкою сравниться.

По крупице в жизненную чашу собираю чечевицу нашу — жатву с нивы жизни сорной. Шла б работа споро, но

упорно сыплешь ты гороховые зерна —
зерна недоверия и злобы. А потом —
корпим над ними оба.

Ну подумай, что мы Богу скажем в
час Его последней воли? И с какою бо-
лью мы покажем наше незапаханное
поле и в суме, откуда клюют птицы, вме-
сте — и горох и чечевицу?

* * *

«Слава тебе, безысходная боль»

А. Ахматова

Ах, ступеней было много, длинной
была дорога. Шла, ступеней не считая,
падая и вставая, шла бы без стога и вздо-
ха, но так устала, но такая была Голго-
фа, что силы не стало.

Упала.

Распялась крестом у порога моего
сурового Бога.

И сказалось так больно:

«Господи, разве еще не довольно!»

И ответил Печальный:

«Этой дороге дальней нет ни конца,
ни края. Я твои силы знаю. Я твои силы
мерил. Я в твои силы поверил».

Сжег мое сердце очами. И был по-
целуй палящий. И лежала в бессильи.

И — у лежащей — за плечами зарея-
ли крылья.

* * *

Громыхали колеса гулко и строго, и
глядели три желтых огня.

Мне надо было спросить у Бога —
отступился ли Он от меня.

И упала я, сломленная, упала меж
рядами серебряных лент. Но Далекий
сжалился над усталой, — отнял память
в последний момент. А потом были чьи-
то чужие руки, уносившие от полотна.
Замерли свистка последние звуки, струй-
ка дыма была видна.

И не знаю с тех пор, не знаю — было
ли это чудо? ответ? Случайно ли по пути
гуляя, напал чужой на мой след?

Или, может быть, за рукой чужого,
за усами его, пахнувшими вином — при-
таился посланный мне от Бога белый ве-
стник с серебряным крылом.

* * *

Ляжем и втянем голову в плечи —
авось не заметит, авось не услышит, в
книгу свою не запишет.

Темный и жуткий, к каждой улыбке
чуткий, к каждой слезинке жадный, —
по ниве людской, ниве страдной, — про-
ходит он днем и ночью. — Видели сами,
воочью.

От очей его пламя и темное знамя
кровавой звездой расшито. И, как пол-
новесное жито, в подол своей темной
ризы собрал дорогих и близких.

Ляжем и втянем голову в плечи,
авось не заметит, авось избавит от клят-
вы, сохранит нас — для новой жатвы.

* * *

Было грустно наше прощанье и оставило жгучие ранки. Вечно помнятся — утро в тумане и грязный коридор в охранке, — такой облезлый, серый и длинный; какой-то противный запах, лица, затянутые паутиной, и руки, как цепкие лапы.

Звяканье шпор за дверью, портреты царского дома и тоска все злей и безмерней... А за дверью голос знакомый.

И потом, меж двумя чужими — дорогое лицо, родное, — холодное и стальное, чтобы себя не выдать перед ними.

Под чьим-то взором упорным, липким — крик безмолвный о вечной разлуке. Глазами к глазам приникли и сломались губы от муки.

Неразумье разлучной боли, желанье кинуться следом и — железом ставшая воля, и над болью воли победа.

А потом... потом одиночка и эта нелепая заграница, чужие французские

лица. И нельзя ни рыдать, ни молиться,
чтобы час приблизить урочный.

* * *

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино.

А. Ахматова

Он один подходил так нежно, он
один не делал мне больно. Его ласка
была белоснежной, и ей душа открыва-
лась невольно.

Из одной мы с ним пили чаши.
И когда наши губы встречались — уз-
навали друг друга сердца наши и одним
языком перекликались.

Он мог вылечить душу больную. Но
ушел он... и за собою опустил решетку
стальную между другими людьми и
мною.

* * *

Как часто на Монпарнассе грежу я
вдумчиво и привычно об Исаакии в тем-
ной рясе, о Библиотеке Публичной.

Возглашаю горькие тосты со своею
тоской всегдашней за Неву с Литейного
моста, за задумчивую водопроводную
башню, и даже (тоска безмерна) за Пред-
варилку, что на Шпалерной.

* * *

Как глухо плачет море!
Как даль кругом пуста!
Рассказываю горе,
Прижав к земле уста.

Но спит покров зеленый.
И степь кругом тиха,
И от земли соленый
И терпкий вкус греха.

* * *

Мы рожаем их в муках сами,
Но берешь Ты их в райский сад.

Разошью цветными шелками
Богородице белый плат.

Ведь в Твои поля без возврата
Раньше дня никто не сойдет.
Если встретишь мое дитя Ты —
Оботри ему смертный пот.

И скажи ему, сжав ручёнку,
Что Тебе позволила мать
Отошедшему в ночь ребенку
За себя этот долг отдать.

* * *

Дни мои как пустая чаша, всю меня
выпил милый, и теперь мне, жаждущей
и уставшей, нечем подкрепить свои
силы.

Справилась бы со жгучею жаждой,
сердце терпеливо и звонко. — Милого
может заменить каждый, но кто даст мне
его ребенка?

* * *

Быть бы тебе хорошей женою, матерью детям твоим. Но судил мне Господь иное, и мечты эти — дым.

По суровым хожу я дорогам, по путаным тропинкам иду. По пути суровом и строгом ненадолго в твоём саду.

Рву цветы и сочные злаки, молюсь имени Твоему. Но ворчат за стеной собаки: — чужая в дому.

А как жаль оставить тебя за стеною... Слезы в глазах — как дым... Как бы я хотела быть твоей женою и матерью детям твоим.

* * *

Было тело мое без входа и палил его черный дым. Черный враг человеческого рода наклонялся хищно над ним.

И ему, позабыв гордыню, отдала я кровь до конца за одну надежду о сыне с дорогими чертами лица.

* * *

О, тяготы блаженной искушение,
соблазн неодолимый зваться «мать» и
новой жизни новое биенье ежевечерне в
теле ощущать.

По улице идти как королева, гордясь
своей двойной судьбой. И знать, что
взыскано твое слепое чрево и быть ему
владыкой и рабой, и твердо знать, что
меч Господня гнева в ночи не встанет
над тобой.

И быть как зверь, как дикая волчи-
ца, неутоляемой в своей тоске лесной,
когда придет пора отвоплотиться и
стать опять отдельной и одной.

* * *

Как докажу, что я была любима и
что дитя мне за любовь дано? И что лицо
мое не черным дымом — огнем в ночи
опалено?

Кто уравнил жену в правах с рабы-
ней? Какой еврейский страшный Бог
хотя на миг один позволить мог, чтоб

были равны в сыне — Агарь, бредущая в пустыне, и Сарра, легшая меж мужних ног.

Чтоб быть могли зачать безлюбовны и их не метил страшный Божий знак. И чтобы у детей единокровных был взгляд отцов и тот же мерный шаг?

* * *

Как много женщин ты ласкал и скольким ты был близок, милый. Но нес тебя девятый вал ко мне с неудержимой силой.

В угаре пламенных страстей, как много ты им отдал тела. Но матерью своих детей ты ни одной из них не сделал.

Какой святой тебя хранил? Какое совершилось чудо? Единой капли не пролил ты из священного сосуда.

В последней ласке не устал и до конца себя не отдал. Ты знал? О, ты наверно знал, что жду тебя все эти годы.

Что вся твоя и вся в огне, полна тобой,
как медом чаша. Пришел, вкусил и
весь во мне, и вот дитя — мое, и наше.

Полна рука моя теперь, мой вечер
тих и ночь покойна. Господь, до дна
меня измерь, — я зваться матерью достойна.

* * *

Христос, не заходи,
 пройди мой мирный дом.
Пусть сердце жаждало
 пришествия Господня:
Прошу настойчиво с молитвой и стыдом —
Когда-нибудь потом, но только не сегодня.

Не Марфой скромною — теплее и родней,
Марией пламенной Тебя хочу встретить.
А нынче, господи, властителями дней
Твои соперники — мои малютки дети.

Как дни пройдут мои текучие года,
Покинув мать и дом, уйдут на волю дети.
Так, уходя с весной, бурливая вода
Уносит за собой рыбацкий челн и сети.

Я в скромный этот дом тогда Тебя введу
И будет долог день и в вечер канут тени
И буду видеть в небе вставшую звезду,
Обняв твои вечерние колени.

* * *

Господи, разве не встала я, егда Ты
ко мне воззвах? Ведь я только петелька
малая в тугих Твоих кружевах.

Ведь мы только ягоды спелые в Тво-
ем лесном теске, цветы Твои белые в
соблюденном Тобой леске.

Твоими ржаными колосьями всхо-
дим из влажной земли в полях нашей
скудной родины, в ее дорожной пыли.

Но зреть под лучами теплыми дай
нам время и срок, чтоб цветы встали в
поле копнами, чтоб колос налиться мог.

До срока к нам не протягивай тон-
ких пальцев своих, не рви зеленые яго-
ды, не тронь колосьев пустых, ткани ту-
гие, нестканные, с кросен в ночь не сни-

май. — Детям, Тобою мне данным, вырасти дай.

* * *

Ты стережешь зачатные часы, Лукавый сеятель, недремлющий над нами, — и человечьими забвенными ночами вздымаешь над землей огромные весы.

Но помню, чуткая, и — вся в любовном стоне, в объятьях мужниных, в руках его больших — гляжу украдкой в широкие ладони, где Ты приготавлиешь их — к очередному плотскому посеву — детенышей беспомощных моих, — слепую дань страданию и гневу.

* * *

Ты стала взрослая и может быть седая, а может быть ты в детстве умерла, но прядь волос как прежде золотая хранится в ящиках отцовского стола, или у матери в внимательном комодке, — живая прядь отрезанная в годик.

Пускай в земле срезавшая рука,
пусть белое давно истлело тело, но эта
прядь — как старые шелка и пахнет чу-
точку духами «Isabella».

Таинственный закон нам в жизни
дан. — Где наш смятенный дух и пла-
мень слова гневный? Но многовековой
разрыт в степи курган и вьются локоны
над скифскою царевной.

* * *

Я верю, Господи, но помоги неве-
рью. В свой дом вошла и не узнала стен.
В свой дом вошла и не узнала двери. И
вот — не встать с колен.

И дети к`сердцу моему кричали, но
сердце отступило прочь. И яростной
моей печали сам Бог не мог помочь —
мой муж меня покинул в эту ночь.

КАНОН БОГОРОДИЧЕН

Все мы Ей дети, все мы Ей дочери,
танцующие в балете, стоящие в очереди.
И для всех Она равно светла. Матерь
Скорбящая, Светило незаходящее, дев-
ственная похвала и мост в небо висящий.

Все мы Ей дети, все мы Ей дочери,
все, кем на этом свете слезы источены.

И у ней, Невестной Невесты,
Жены Неискусобрачной, просим посев
злачный, завтрашний день удачный и
благие с дороги вести.

Все мы Ей дети, все мы Ей дочери,
все, чьи усталые веки слезами смочены.

И у Ней, благодатной Жертвы, Ма-
тери Восставшего из мертвых — просим
для своего ребенка волос тонкий, голо-
сок звонкий и доброе к матери сердце.

* * *

Всё помним о древнем рае
И в память Закрытых Врат

Так крепко мы запираем
Наш храм, наш дом и наш сад.

В плену, но наш плен нам сладок,
как чайке простор морей.
На лестнице пять площадок,
На каждую семь дверей.

За каждую дверью цепочка,
Французский замок и крюк,
И дверь не отворим ночью
на самый поспешный стук.

И если приходи милый —
Так долго глядим мы в щель,
Что часто теряет силы
Дафнис, Тристан или Лель.

А после ловим мы тщетно
Любви легкокрылый луч,
И тщетно ломаем в клетке
Цепочку и крюк и ключ.

* * *

Не творчеств дни, а умирания.
В них ничего печальней нет,

Что неоконченными здания
Останутся на много лет.

Труд, созидаящий строения,
В пустых стропилах не течет,
И силу жадную падения
Не сковывает мерный счет.

Вдоль белых стен в закатном пламени
Маляр веселый не поет,
И не несет суровый каменщик
К вершинам каменный свой гнет.

К лесам закрыты с улиц доступы,
Качается пустая клеть,
И стен оскаленные остовы
Кирпичной плотью не одеть.

* * *

Детей от Прекрасной Дамы иметь
никому не дано, но только Она Адамо-
во заканчивает звено.

И только в Ней оправданье темных
наших кровей, тысячелетней данью вла-
гаемой в сыновей.

И лишь по Ее зарокам, гонима во
имя Ея — в пустыне времен и сроков ле-
тит, стена, земля.

* * *

Только платье, язык да прическа, да
немного иное жилье, да на полках Дар-
вин и Лосский, — но как древне тело
мое.

И какие древние тайны в крови бес-
сменной моей — от первых дней мироз-
данья хранятся до наших дней.

* * *

Острилось и жгло меня страстное
жало, и в буйном пожаре неистовых
дней я древних детенышей в яме рожала,
и им эту чашу с краями отжала чер-
вонной и вспененной крови моей.

И был нескончаем запас ее красный,
и в ясные ночи и в темные дни вскипала
она неумоно и страстно, и новые дети
родились мои.

Но вот постепенно, скудея с веками,
медлительно в плоть докатилось мою, и
ныне последние бледные капли я в ма-
лые чаши с отчаяньем лью.

* * *

И ели впервые и первые пили,
И первые пилы и первый топор
С разбегу веселые вещи творили
И весело крепкий встречали отпор.

И весело мать для ребенка доила
Впервые от дикой козы и овцы,
И первенца в горном потоке обмыла,
И первый огонь сторожили отцы.

И были подобны веселому зверю.
Как часто я вижу их, первых, в сне,
И вижу костер в полутемной пещере,
И возле костра оплывающий снег.

* * *

Что знаю я о бабушке немецкой, что
кажет свой старинный кринолин, свой

облик выцветший и полудетский со старых карточек и блекнувших картин?

О русской бабушке — прелестной и греховной, чьи строчки узкие в душистых billet-doux, в записочках укорных и любовных, в шкатулке кованной я ныне не найду?

От первых дней и до травы могильной была их жизнь с краями налита, и был у каждой свой урок посильный и знавшие любовь уста.

О горькая и дивная отравка! — Быть одновременно и ими и собой, не спрашивать, не мудрствовать лукаво и выполнить урок посильный свой:

Познав любви несказанный Эдем,
Родить дитя, неведомо зачем.

* * *

Мы были, мы прошли,
наш было очень много,
Колосья сникшие под режущим серпом,

* * *

Расчет случаен и неверен, — что обо мне мой предок знал, когда, почти подобен зверю, в неолитической пещере мою праматерь покрывал.

И я сама, что знаю дальше о том, кто снова в свой черед из недр моих, как семя в пашне, в тысячелетья прорастет?

* * *

Ах, дети, маленькие дети, как много вас могла б иметь я вот между этих сильных ног — осуществленного бессмертья почти единственный залог.

Когда б ослеплена миражем минутных ценностей земных, ценою преступленья даже не отреклась от прав своих.

* * *

Как в темный улей черная пчела
Сбираю мед отстойной печали,
И с лука каждого летящая стрела
Меня неуклонимо жалит.

Был горек мне к помазанию елей,
И вот цветы моих земных полей:
У нищей девочки, стоящей на ветру,
Два пальца в варёжке —
 спухающих и синих.
У старой девушки, озябшей поутру,
Кровати узенькой холодные простыни...

* * *

Должно быть, миру уготован такой блистательный конец, что им как сказкой очарован над каждым детищем отец, —

Затем, что сыновья и внуки — для нас для всех входной билет за порцию текущей муки на зрелище грядущих лет.

* * *

Изысканный приемами лукавец, как
исподволь замучивая нас, умеешь ты к
испытанной отраве прибавить сладкого
любовного вина,
чтоб чаши смертные мы допили до
дна к твоей неугасимой славе.

* * *

Лукавый Сеятель, свой урожай लेकर, Ты пажити готовишь под любовь, их во-время запашешь и засеешь и в русло нужное всегда отвести успеешь тяжёлую бунтующую кровь.

Здоровую на тучный чернозем, дающий нам тугие травы, а слабую заманишь Ты лукаво в пустыню свергнуться бушующим ручьем, для видимости радости и славы, чтоб иссушить медлительно потом под солнечным сжигающим лучом.

ИЗ ПОЭМЫ «ЦА-ЦА-ЦА» (1923 г.)

ЛИУ-ЛИН

Лиу-лин, лиу-лин, чему тебя уподобить?

Ты не походишь ни на одну из других шелковых тканей.

Ты как непрерывный серебряный поток в Небесных Горах при лунном сиянии.

Ткань твоя, как весенняя земля, покрытая белым туманом, или как цветы, смешанные со снегом.

Лиу-лин, лиу-лин, кто сделал тебя и кто тебя оденет?

Соткала тебя бедная девушка из маленькой деревушки, а оденет тебя первая жена Императора.

Это по ее приказу в этом году на лиу-лин должны быть вытканы треугольнички улетающих журавлей цвета весенней воды.

Блестит ткань, блестит узор и все вместе, — как серебряные волны.

Вот стоит дворец первой жены Императора — Цю-Ян.

Его полы будут мести шлейфы, стоящие тысячи лан.

Попадает на платье пудра, пачкают его белила и румяна и — раз надев, выкинут вон.

А чтобы ткать лиу-лин нужен шелк такой тонкий, что у девушек болят пальцы.

Тысячу раз скажет прялка свое «ца-ца-ца», а у девушки в руках не будет и одного метра.

Если бы первая жена императора видела хоть одну девушку за работой, может быть она оценила бы больше свое новое платье из лиу-лин, которая подобна непрерывному серебряному водопаду в Небесных Горах в момент лунного сияния или цветам, смешанным со снегом.

ЧЕРЕЗ МНОГИЕ ВЕРСТЫ

Иду по реке, собираю цветы. Трудно искать их в высокой траве.

Цветы собирают, чтобы кому-нибудь дать. Но кому же я дам их, кому?

Близко — чужие, а родные далеко, только думать о них дано мне теперь.

Вот поверну я в ту сторону голову. Там, далеко, — родная страна, из которой меня изгнали.

Через многие версты, через многие реки, через многие горы, ее не увижу, никогда не увижу я.

ТАК И РАССТАЕМСЯ

Подними голову — погляди в небо: одна за другою несутся тучи. Едва коснулись и уже расстались, и уже потеряны одна для другой.

Так и мы расстаемся, так и мы теряемся в этом мире.

Опусти голову — посмотри в море: одна за другою проходят волны. Едва столкнулись и уже расстались, и уже потеряны одна для другой.

Так и мы расстаемся, так и мы теряемся в этом мире.

КАК И ПРЕЖДЕ

Теперь, как и прежде, облака спокойны над нами, но и теперь, как и прежде, болит человеческое сердце.

Приходим на эту землю на такой короткий срок. Немножко молимся, немножко плачем и снова уходим неизвестно куда.

А в горах, как и прежде, щебечут
птицы и журчат лесные ручьи.

Что нам осталось от живших прежде?
Только зеленая трава да голубое
небо.

И как бы ни болело мое сердце — не
двинется туман, и мирно дремлют дере-
вья вокруг спящих озер.

Содержание

Замолчанная	6
Библия	9
Магдалина	10
«Как будто кто-то огромный...»	10
«Помнишь, в сказках мачехи...»	11
«Ах, ступеней было много...»	12
«Громыхали колеса гулко...»	13
«Ляжем и втянем голову в плечи...»	14
«Было грустно наше прощанье...»	15
«Он один подходил так нежно...»	16
«Как часто на Монпарнассе...»	17
«Как глухо плачет море...»	17
«Мы рожаем их в муках сами...»	17
«Дни мои как пустая чаша...»	18
«Быть бы тебе хорошей женою...»	19
«Было тело мое...»	19
«О, тяготы блаженной искушенья...»	20
«Как докажу, что я была любима...»	20
«Как много женщин ты ласкал...»	21
«Христос, не заходи, пройди мой мирный дом...»	22
«Господи, разве не встала я...»	23
«Ты стережешь зачатные часы...»	24
«Ты стала взрослая...»	24

«Я верю, Господи...»	25
Канон Богородичен	26
«Всё помним о древнем рае...»	26
«Не творчеств дни, а умирания...»	27
«Детей от Прекрасной Дамы...»	28
«Только платье...»	29
«Острилось и жгло меня...»	29
«И ели впервые и первые пили...»	30
«Что знаю я о бабушке немецкой...»	30
«Мы были, мы прошли...»	31
«Их много — кротких и прелестных...»	32
«Расчет случаен и неверен...»	33
«Ах, дети, маленькие дети...»	33
«Как в темный улей черная пчела...»	33
«Должно быть, миру уготован...»	34
«Изысканный приемами лукавец...»	34
«Лукавый Сеятель, свой урожай лелея...» ..	35

ИЗ ПОЭМЫ «ЦА-ЦА-ЦА» (1923 г.)

Лиу-лин	35
Через многие версты	37
Так и расстаемся	38
Как и прежде	38

Издание подготовлено
благодаря спонсорской помощи
ОАО «Красцветмет»

Составители

Г. Прашкевич, Р. Солнцев

Технический редактор

П. С. Ровенский

Макет и верстка

А. В. Максимов

ООО «Редакция литературного журнала «День и ночь»
660028, Красноярск, ул. Л. Кецховели, д. 75а, к. 103
Издательско-полиграфический комплекс «Платина»
660027, Красноярск, Транспортный проезд, 1
Тел. (3912) 64-44-40

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 040773 от 19.06.96

Сдано в набор 12.12.98 г. Подписано в печать 18.12.98 г.
Формат 60х84/32. Усл. печ. листов 1,28.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Тираж 1000 экз. Заказ 844.

